

«Три пути прохождения кармы»: русское западничество в восприятии его Н.Н. Алексеевым

© Е.А. Куликов

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация: Состояние диалога и обмена аргументов с оппонентами является нормальным состоянием развитой политико-правовой мысли любого государства и общества. В этом случае говорят о политико-правовой полемике того или иного периода. Для российской общественной мысли XIX и XX вв. характерно именно это состояние, вполне нормальное для времени поиска национально-культурной самоидентификации. С 40-х годов XIX века идеологическое оформление получают направления западничества и почвенничества, последнее изначально в форме славянофильства, затем разветвляется на другие. Западничество также неоднородно, практически единодушно его делят на консервативное, либеральное и радикальное течения. Евразийство, являющееся постреволюционным направлением отечественной политико-правовой мысли, не могло не осмыслить содержательные черты названной полемики, и высказать свое отношение по поводу ее участников, в особенности западничества, идейными противниками которого евразийцы во многом являлись. Н.Н. Алексеев, евразиец-правовед, подробно рассматривает состояние, идеологию и течения западничества в России в статье «Русское западничество». Его позиция анализируется в настоящем исследовании, в сопоставлении с другими оценками западничества, с реальным историческим контекстом, а также исходя из выводов, сделанных мыслителем. Три течения в западничестве названы «тремя путями прохождения кармы» не потому, что Россия с необходимостью должна была пойти по одному из них, а поскольку так считали сами западники и, так или иначе, российское государство и общество на протяжении XIX, XX и XXI вв. попробовало пройти всеми тремя путями, но каждый раз, в конечном счете, формировался собственный, уникальный культурно-политический мир.

Ключевые слова: евразийство, Н.Н. Алексеев, западничество, либерализм, консерватизм, революционный радикализм

Благодарности: Статья выполнена при финансовой поддержке фонда грантов Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук, Проект № МК-483.2020.6 «Евразийская альтернатива государственно-правового развития России: генезис, содержание, современное прочтение».

Информация о статье: поступила в редакцию 28 июля 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 23 августа 2020 г.; принята к публикации 11 сентября 2020 г.

Для цитирования: Куликов Е.А. «Три пути прохождения кармы»: русское западничество в восприятии его Н.Н. Алексеевым // *Социальная компетентность*. 2020. Т. 5. № 3. С. 286–302.

«Three ways of going through karma»: Russian Westernism in perception by N.N. Alekseev

Egor A. Kulikov

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract: The status of dialogue and exchange of arguments with opponents is a normal one of any developed political and legal thought of any state and society. In such a case, they talk about the political and legal polemics of a particular period. It is precisely the status of political and legal polemics that characterizes Russian public thought in the XIX and XX centuries, which is quite normal for the time of the search for national and cultural self-identification. Since the 40s of the XIX century, movements of Westernism and Pochvenism have been ideologically shaped, the latter initially in the form of Slavophilism, then branching into other movements. Westernism is also heterogeneous, almost unanimously divided into conservative, liberal and radical trends. Eurasianism, which is a post-revolutionary movement of domestic political and legal thought, could not but comprehend the substantive features of the aforementioned polemic, and express their attitude towards its participants, especially in relation to Westernism, whose ideological opponents in many respects were Eurasians. N.N. Alekseev, a Eurasian jurist, elaborates the state, ideology and trends of Westernism in Russia in his article "Russian Westernism". His position is analyzed in this study, in comparison with other assessments of Westernism, with a real historical context, and also based on the conclusions made by the thinker. Three streams in

Westernism are called "three ways of going through karma" not because Russia necessarily had to follow one of them, but because the Westernizers themselves felt that way. Anyway, the Russian state and society during the XIX, XX and XXI centuries tried to go all three ways, but ultimately, each time its own unique cultural and political world was created.

Keywords: Eurasianism, N.N. Alekseev, Westernism, liberalism, conservatism, revolutionary radicalism

Acknowledgments: The article was implemented with the financial support of RF President Grant Fund for young Russian scientists – candidates of sciences, Project № МК-483.2020.6 "The Eurasian alternative to the state and legal development of Russia: genesis, content, modern interpretation".

Article info: received July 28, 2020; revised August 23, 2020; accepted September 11, 2020.

For citation: Kulikov E.A. «Three ways of going through karma»: Russian Westernism in perception by N.N. Alekseev. *Sotsial'naya kompetentnost'* = *Social Competence*. Vol. 5. No. 2. P. 286–302. (In Russ.)

Введение

Западники, почвенники, консерваторы, славянофилы, очень легко навешиваемые в истории политико-правовой мысли ярлыки, ни один из которых не отражает в полной мере всю гамму и глубину взглядов того или иного мыслителя. У многих представителей каждого из названных, равно как и других направлений социально-политической мысли, в жизни и творчестве присутствуют как периоды увлечения идеологией, имеющей западноевропейское происхождение, так и опора исключительно на почвеннические начала. В связи с этим необходимо иметь в виду, что, рассматривая русское западничество вместе с Н.Н. Алексеевым, мы говорим не столько о конкретных мыслителях, сколько о явлении в истории политико-правовой мысли.

Целесообразно привести рассуждения А.В. Иванова, И.В. Фотиевой и М.Ю. Шишина относительно западничества и оппонировавшего ему славянофильства – политико-правовых течений, организационно и саморефлексивно оформившихся в 40-е годы XIX века. Дело в том, что указанные авторы не просто рассматривают полемику двух этих течений, а соотносят ее с полемикой нестяжателей и иосифлян, проявившейся на заре становления Московского царства, но имеющей разностороннее и глубокое продолжение в истории отечественной политико-юридической мысли. «...Раскол между нестяжателями и иосифлянами в XIX веке своеобразно преломился в оппозиции "славянофилы – западники"; но раскол прошел не между лагерями, а внутри каждого из них. На одном полюсе оказались представители типично иосифлянской идеологии, неважно, выражалась ли она в западно-либеральной или в

консервативно-славянофильской форме. Суть иосифлянства – в стремлении подавить живой ищущий дух, заковав его либо в цепи религиозных догм (именно догм, а не религиозных истин, которые, как и любые истины, являются только ориентирами в бесконечном пути познания), либо в оковы вульгарно-материалистических представлений и жизненных ориентиров. На втором полюсе оказались те, кто, считая себя противниками, на самом деле в спорах и борьбе, защищая духовные основания бытия, способствовали постепенным социальным преобразованиям и готовили почву для нового синтеза, для постепенной кристаллизации русской идеи» (Иванов, 2006. С. 459–460). Соглашаясь в целом с подобной интерпретацией взаимосвязи двух, если угодно, уровней отечественной политико-правовой полемики, отметим, что сказанное не отменяет как существования западничества как самостоятельного политико-правового явления, так и необходимости его рассмотрения в трактовке Н.Н. Алексеева (Борщ, 2015. С. 18).

Что есть явление западничества в отечественной политико-правовой мысли, как давно оно зародилось, на каких устоях покоится, какие идеи и перспективы позиционирует в качестве исходных руководящих тезисов, какой путь развития для отечественных государственно-правовых феноменов предлагает? Н.Н. Алексеев пишет в начале своей статьи «Русское западничество», которую нам предстоит анализировать, что историками выявлено и приведено в своих трудах большое количество фактов в подтверждение того, что стремление к преобразованию отдельных областей русской культурной жизни путем западных заимствований, например, армии, промышленности, торговли и т. п.

возникло много ранее XVII в. (Алексеев, 2003. С. 120). Характерно, что и И.Л. Солоневич, анализируя Петра I и его реформы, приходит к выводу, что этот «гениальный преобразователь» сам ничего нового не придумал, большая часть реформ по европейскому образцу была проведена при его отце Алексее Михайловиче, а многие были начаты ещё при Иване Грозном (Алексеев, 2003. С. 120). Строго говоря, первым западником можно считать великого киевского князя Изяслава Ярославича, не гнушавшегося не только привлекать польские войска для решения внутрirusских проблем, но ещё и пытавшегося в Киеве навести польские порядки, что послужило в дальнейшем одной из причин киевского восстания и восшествием на престол Владимира Всеволодовича Мономаха. В дальнейшем, при Иване Грозном под Москвой появляется Немецкая слобода (Кокуй), ставшая пристанищем на сотни лет для разного рода европейских проходимцев, среди которых получил воспитание и Петр I. Однако, все это, равно как и деятельность самого Петра, можно считать лишь предпосылками идеологического оформления западничества, которое, как целостное явление отечественной политико-юридической мысли, проявляет себя в полемике 40-х годов XIX века. Впрочем, как реальное социальное явление (ещё идеологически не в полной мере осмысленное) западничество есть продукт XVIII века – века дворцовых переворотов, странных реформ, более-менее утихших лишь в эпоху Екатерины II и «екатерининских орлов» (Заичкин, 1994. С. 230).

Н.Н. Алексеев рассуждает таким же образом. «Однако все это далеко не было ещё «западничеством» в том идейном смысле, в каком названное понятие следует толковать с точки зрения истории и философии культуры. Западничеством надлежит именовать не попытки использования западной культуры в чужих культурных целях, но стремление к теоретическому и практическому отрицанию особого мира собственной культуры во имя культуры западной» (Алексеев, 2003. С. 120). И вот как раз возникновение подобного общественного течения в пределах Московского государства мыслитель связывает с эпохой Петра I, приводя «основную аксиому рус-

ского западничества в теоретической формулировке», высказанную морским агентом Петра I в Англии Федором Салтыковым. В дальнейших рассуждениях Н.Н. Алексеев опирается на такую трактовку западничества, углубляясь в его структурно-содержательные аспекты.

«С одной стороны, русское западничество никогда не было единой системой, не имело доктрины и своего катехизиса. С другой, сам Запад не представляется чем-то однородным: можно говорить об единых принципах западной культуры, но нельзя думать, что они имели одинаковое проявление в пространстве и во времени. Судя по проявлениям, никогда не было одного Запада. Западный мир состоял из нескольких малых миров, каждый из которых по-своему строил жизнь, как, например, мир латинский, англосаксонский, германский. Кроме того, Запад переживал общие процессы исторических изменений, в которых боролись различные, сменяющие друг друга исторические силы, например, Запад католический и феодальный, Запад буржуазно-демократический, Запад пролетарский и социалистический. Как никогда не было одного Запада, так не могло быть и одного русского западничества. Напротив, русское западничество воспроизвело и повторило борьбу различных западных начал и стилей, причем в Европе то была борьба органически возникших социальных, исторических и национальных сил, на русской же почве то была главным образом борьба принципов и теорий, увлекавших европеизированную, «интеллигентную» часть нашего общества. Поле борьбы, следовательно, у нас значительно сузилось, зато она стала более концентрированной и жестокой. Реальные интересы зачастую были заменены верой в доктрины, исповедуемые отдельными интеллигентскими группировками. Бытовое и жизненное содержание борющихся начал заменено внутренней логикой принципов и теорий. Отсюда известное у нас стремление к крайностям, требующее доведения принципов «до конца», – русский радикализм, не останавливающийся на полпути, непримиримый и неуступчивый. Словом, историческая драма Запада повторена была у нас на более или менее искусственной сцене, воспро-

изведена в духе весьма стилизованном, в тонах сгущенных, при помощи актеров, принадлежащих к образованному классу русского общества времен империи при более или менее пассивном участии народа» (Алексеев, 2003. С. 120–121).

В приведенной цитате прослеживается несколько выделяемых Н.Н. Алексеевым специфических черт русского западничества. Во-первых, оно практически зеркально отражает проходившие в западноевропейской общественной жизни споры и дискуссии. Во-вторых, оно носит исключительно идеологический характер, т. е. русские западники оперируют мыслительными конструкциями, логическими аргументами, внутренне присущими этим конструкциям, но при этом вообще не дают оценку тому, а возможно ли вообще применить их к отечественным социальным условиям. В-третьих, выступая «зеркалом» происходящих на Западе политических и социальных процессов, которые ни в одном государстве, части света, ни в одну эпоху не были однородными, русское западничество своей идеологической составляющей также неоднородно, причем неоднородно оно в том объеме и в той степени, насколько неоднородны названные процессы, происходившие в западных странах. Наконец, в четвертых, возможна типологизация различных ответвлений русского западничества в зависимости от того, какое состояние или этап развития западных стран представители этих ответвлений идеализируют и рассматривают как эталон. Н.Н. Алексеев такую типологизацию как раз и проводит в качестве идеалов, выделяя запад феодально-католический, буржуазно-демократический и пролетарско-социалистический.

Созвучную оценку западникам и славянофилам дает Ф.М. Достоевский в публицистических работах, которая отчасти сходна с той характеристикой русского западничества, которая сложилась у Н.Н. Алексеева. «Теория хороша, но при некоторых условиях. Если она хочет формулировать жизнь, то должна подчиниться ее строгому контролю. Иначе она станет посягать на нее, закрывать глаза на факты, начнет, как говорится, нагибать к себе действительность. Западники, составив себе теорию западноевропейской общечело-

веческой жизни и встретясь с вовсе не похожей на нее русской жизнью, заранее её осудили. Славянофилы, приняв за норму старый московский идеальчик, тоже зараз обличили в русской жизни все, что не укладывается в их узкую рамку. Иначе, конечно, и быть не может. Раз положенное ложное, начало ведет к самым ложным заключениям, потому что теория любит последовательность. Раз положенное узкое, одностороннее начало непременно, по той же самой последовательности теории, приведет к отрицанию тех сторон жизни, которые противоречат принятому принципу» (Достоевский, 2014. С. 62). И так, и Алексеев, и Достоевский, творившие в разное время, одинаково характеризуют западничество как теоретическую конструкцию, как умозрительный проект, приверженцы которого ради идеалов, в нем зафиксированных, готовы были не просто игнорировать факты объективной действительности, но давать им весьма отрицательную оценку, как отсталым, вредным, и совершенно в общественной жизни излишним, требующим искоренения и изжития. Сами же взгляды западничества с теоретической точки зрения были идеальны, и предлагали некие идеальные пути движения для русской цивилизации. Как и всякие дороги, нарисованные на бумаге, они были идеально ровные, и при этом никакого отношения не имели к рельефу местности.

Когда мы писали в заголовке «три пути прохождения кармы», именно названные три типа русского западничества и имелись в виду. Надо сказать, что такое сочетание называют иногда психологи, описывая возможные варианты переживания человеком той или иной ситуации для наиболее результативного извлечения уроков из нее (Капранов, 2016. С. 214–217). В таком ключе точнее было бы название «три пути прохождения кармы для России по мнению западников», где карма – необходимость развития России по тому же пути, который прошли западные страны, и выражен он в выше приведенной аксиоме русского западничества. Разные течения в западничестве предлагают различные пути прохождения этой кармы, более того, за последние 200 лет Россия попробовала все три. Историко-философский характер исследова-

дования избавляет нас от необходимости дать оценку реализуемому с 1991 года направлению. Однако можно поставить вопрос: а так ли уж необходимо идти России по западному пути, особенно если её увидеть всю целиком, а не только Москва-Сити? (Иванов, 2010. С. 34). Отвечаем словами Ф.М. Достоевского: «Вы хотите переевропезить народ? Но возможно ли, отвечаем мы, чтоб европейская идея на совершенно чуждой ей почве принесла те же результаты, как и в Европе. У нас до того все особенно, все непохоже на Европу во всех отношениях: и во внутренних, и во внешних, и во всевозможных, – что европейских результатов невозможно добыть на нашей почве» (Достоевский, 2014. С. 58). Надо сказать, что писатель в своих суждениях не одинок, аналогичную мысль высказывает Н.Я. Данилевский, давая подробное научное обоснование существовавшему во второй половине XIX века между Россией и Европой напряжению, выступившему, по мнению основателя цивилизационного подхода к типологии обществ и государств, следствием достаточно глубоких и кардинальных между Европой и Россией различий (Назмутдинов, 2017. С. 135). Приведем рассуждения Н.Я. Данилевского полностью, поскольку они достаточно точно позволяют обосновать тезис о том, что «три пути прохождения кармы» России – это три единственно возможных для нее варианта развития по западному пути, исключительно по мнению западников, и на самом деле признание вестернизации России ее кармой не более чем мнение.

«Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью – нет, не принадлежит. Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного Древнего мира, – не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа. Не составляла она части возобновленной Римской империи Карла Великого, которая составляет как бы общий ствол, через разделение которого образовалось все многоветвистое европейское дерево, – не входила в состав той теократической федерации, ко-

торая заменила Карлову монархию, – не связывалась в одно общее тело феодально-аристократической сетью, которая (как во времена Карла, так и во времена своего рыцарского цвета) не имела в себе почти ничего национального, а представляла учреждение общеевропейское, в полном смысле этого слова. Затем, когда настал новый век и зачался новый порядок вещей, Россия также не участвовала в борьбе с феодальным насилием, которое привело к обеспечениям той формы гражданской свободы, которую выработала эта борьба; не боролась и с гнетом ложной формы христианства (продуктом лжи, гордости и невежества, величающим себя католичеством), и не имеет нужды в той форме религиозной свободы, которая называется протестантством. Не знала Россия и гнета, а также и воспитательного действия схоластики, и не вырабатывала той свободы мысли, которая создала новую науку; не жила теми идеалами, которые воплотились в германо-романской форме искусства. Одним словом, она не причастна ни к европейскому добру, ни к европейскому злу; как же может она принадлежать к Европе? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой. Она не заслужила этой чести, и если хочет заслужить иную, не должна изъяслять претензий на ту, которая ей не принадлежит. Только выскочки, не знающие ни скромности, ни благородной гордости, втираются в круг, который считается ими за высший; понимающие же свое достоинство люди остаются в своем кругу, не считая его (ни в каком случае) для себя унижительным, а стараются его облагородить так, чтобы некому и нечему было завидовать» (Данилевский, 2011. С. 75–76).

Таким образом, с точки зрения цивилизационного подхода Россия выступает уникальным историческим социально-государственным явлением, для которого вопрос об обязательной и необходимой вестернизации не предрешен. В связи с этим определяемые Н.Н. Алексеевым «три пути прохождения кармы», вернее, три выделяемых им направления русского западничества, носят исключительно умозрительный и идеологический характер, и имеют мало отношения к российской действительности. Тем не

менее, в период XIX-XXI веков она испытала на себе все три варианта построения западной модели, что определяет необходимость анализа течений русского западничества, выделяемых Н.Н. Алексеевым.

Материалы и методы

Статья опирается на анализ содержания первоисточников. Изучению подвергнут труд Н.Н. Алексеева «Русское западничество», исходя из социального контекста становления и развития государственно-правовых идеалов различных направлений в рамках западной политико-правовой мысли. Проводится выделение содержательных черт трех течений в рамках западничества, определяются общие и отличительные их черты, особенности по сравнению с другими направлениями отечественной политико-юридической мысли. Сравнительный анализ опирается на диалектический закон единства и борьбы противоположностей. Применительно к теме статьи означает, что, несмотря на три направления русского западничества, по своей политико-идеологической основе и духовно-интеллектуальному содержанию они выступают в единстве и одностороннем взгляде на отечественную социально-правовую реальность.

Результаты

Первый путь: Европа прошлого. Начинает свое исследование Н.Н. Алексеев с истоков, т. е. с возникновения русского западничества как направления отечественной социально-политической мысли. «При возникновении своем русское западничество создано исключительно под влиянием германской, военной и абсолютистской Европы» (Алексеев, 2003. С. 121). Возникает вопрос о разумности такого западничества: что полезного могла позаимствовать огромная на тот момент уже централизованная Россия у Германии, представлявшей собой конгломерат маленьких разобщенных и беспрестанно воюющих между собой княжеств? Тем не менее, Петра I называют первым русским немцем, и такое наименование тоже знаковое, выше мы уже ссылались на уничтожительную критику т. н. реформ этого правителя И.Л. Солоневичем. «Государственное здание, им воздвигаемое с

таким беспощадным упорством, по стилю своему должно было напоминать более всего Пруссию... Идеалом солдата был солдат прусский. По прусскому образцу была построена новая армия, у которой начальниками были преимущественно немцы. Прусский стиль господствовал и в гражданской постройке империи. И со времени Петра это немецкое влияние сделалось крупнейшим фактором нашей истории. Началась эпоха не только онемечивания России, но и прямого правления немцев, особенно осязаемая при наследнике первого императора» (Алексеев, 2003. С. 122). Историческая ирония состоит в том, что эту же самую эталонную и идеальную Пруссию в Семилетней войне русская армия поставила на грань катастрофы, русские войска взяли Берлин и многие другие города, и только смерть императрицы Елизаветы Петровны и воцарение на короткий период Петра III, огромного почитателя короля прусского Фридриха II, спасло последнего от полного краха.

Апогея, по мнению Н.Н. Алексеева, прусофильство и германофильство достигло в правление императора Павла I и его сыновей Александра I и Николая I. Вот как, например, описывает мыслитель увлечение Павла I всем немецким, в особенности, прусским. «Германия, или вернее, Пруссия, казались Павлу I примером, достойным всякого подражания. Было время, когда он с удовлетворением припоминал, «что в жилах его, собственно говоря, течет очень мало русской крови» ...Народ русский считал дрянным, просто собакой, – «ma chienne de nation», как говорил он, по свидетельству одного современника. На Павла I, как известно, огромное впечатление произвело римское католичество, в поклонника которого он искренне превратился. Его восхищало все то, что было сделано иезуитами, – их организация, порядок, дисциплина. Не лада с представителями православного духовенства, император открыто поощрял французских эмигрантов, занимавшихся католической пропагандой. Он вступил в загадочные отношения с Мальтийским орденом, что приводило в смущение его современников. Православный император, пытавшийся объявить себя главой восточной церкви, стал командором католического мо-

нашеского ордена. Он смотрел на этот орден, как на организацию всеевропейской знати, созданную для развития чувства лояльности и чести. При помощи такого ордена он и хотел вести общеевропейскую борьбу с ненавистной ему французской революцией. И невольно приходишь к выводу, что «европеизировать» Россию для него означало построить ее по образцам прусской казармы и католического монастыря, причем ещё с некоторой вселенской миссией – в целях мировой борьбы с европейским революционным гуманизмом" (Алексеев, 2003. С. 122–123). Такого рода западничество вообще вряд ли может быть обосновано какими-либо рациональными соображениями или национальными стратегическими интересами государства, как западничество Петра I или Екатерины II, которые, конечно, также не отличались особой любовью ко всему отеческому, но хотя бы находили основания для своих ветсенизирующих российскую действительность. Стоит также отметить, что при Павле I, несмотря на его известный указ о трехдневной барщине, крепостное право в России достигло апогея, поскольку он, например, перевел из разряда черносошных крестьян в частновладельческие за свое короткое царствование больше, чем его мать Екатерина II за 34 года правления. Закрепощение крестьян, полное бесправие по отношению к помещикам вполне можно трактовать как одно из проявлений искусственной вестернизации, поскольку крепостное право давало правящему сословию источники дохода, позволяющие в короткий срок и без каких-либо собственных вложений организовать дома и дворы по европейскому образцу. Причем, закрепощение крестьян, в отличие от огораживаний, носило не капиталистический, а феодально-полицейский характер, дворянские поместья продолжали оставаться натуральным хозяйством, не переходили на буржуазные рельсы. С другой стороны, дарование на фоне масштабного закрепощения крестьян Жалованных грамот дворянству и городам породило до 1861 года ещё и чудовищную несправедливость, поскольку два сословия военно-служилого российского государства были освобождены от службы государю, переведены в разряд привилегирован-

ных, а крестьянское сословие оставалось не-свободным, тяглым практически на протяжении ещё ста следующих лет (Солоневич, 2010. С. 73).

Дарование, однако, вольностей дворянству и городскому населению имело и рациональные основания: после пугачевщины Екатерина II и ее правительство нуждались в социальной поддержке и таким образом хотели расположить к себе наиболее активные на тот момент слои населения. Решения же Павла I были, в основном, непродуманными, эпатажными, и во многом вытекали из его быстро меняющегося настроения, сменяющих друг друга симпатий и антипатий. Подобная политика и привела к цареубийству 11 марта 1801 года, т. н. последнему дворцовому перевороту, или же скорее, первому политическому цареубийству, и к воцарению Александра I. Последнее обстоятельство, впрочем, не означало смены политического курса на дальнейшую вестернизацию. «Принципы политики Павла I, – пишет Н.Н. Алексеев, – произвели неизгладимое впечатление на его наследника, причудливо сочетавшись здесь с либерализмом и придав странную двойственность всему характеру Александра I... Замечательными символами этой двойственности были две выдающиеся фигуры названного царствования, друг друга отрицающие, но в то же время совместно витающие над Россией: это Сперанский и Аракчеев. Первый как бы отображал улыбку, второй служил «железным кулаком, необходимым для водворения дисциплины и порядка»... Фактически и в это царствование, особенно в его конце, влияние прусских начал преобладало... И даже в Наполеоне Александра Павловича привлекало именно сочетание внешнего приятия либеральных начал с деспотизмом, сумевшим справиться с революцией... Аракчеевскими военными поселениями и завершается названное царствование» (Алексеев, 2003. С. 123–124). Таким образом, Н.Н. Алексеев не впечатляется «либеральными вздоханиями» Александра I, который удивительным образом сочетал в себе не только черты характера отца и бабки, но ещё и умудрялся соединять в себе элементы политики Екатерины II и эпатажные выходки в духе Павла I. Ну и стоит заме-

титель, что от судьбы отца его спасла только ранняя смерть (ну или добровольный уход в странничество), после которой произошла попытка чего-то вроде дворянской революции. Восстание декабристов можно рассматривать последним актом дворянского революционного дворцово-переворотного движения, как своего рода несостоявшийся дворцовый переворот в рамках все той же западной традиции (Иванов, 2007. С. 55).

Для оценки позиции Н.Н. Алексеева обратимся к специальным исследованиям В.А. Томсиновым биографий М.М. Сперанского и А.А. Аракчеева. «История судьбы Сперанского – это повесть о том, как из юноши, одаренного от природы необыкновенными способностями, вышел все же чиновник, правда все-таки большой, даже великий чиновник. Это повесть о том, как из человека, который мог стать светилом науки или философии, в конце концов получилось светило, но не свободного мира науки или философии, а тесного и затхлого мирка бюрократии. История судьбы Сперанского – это, наконец, повесть о том, что делает с человеком борьба за власть, – что выделяет она из него» (Томсинов, 1991. С. 16–17). Если абстрагироваться от поэтичности, с которой В.А. Томсинов описывает квинтэссенцию жизненного пути М.М. Сперанского, то основная идея состоит в том, что последний в итоге стал идеальным чиновником, выдающимся бюрократом, т. е. наиболее совершенным элементом функционала государственного механизма. Это означает, что он прекрасно понимал задачи, которые перед ним ставятся, имел привычку их исполнять на высоком уровне, не вкладывая при этом каких-то собственных убеждений. Можно даже предположить, что их М.М. Сперанский с некоторых пор и не имел вовсе, являясь хорошим исполнителем, выполняя волю императоров, на верность которым присягал (Сорокин, 2014. С. 49–57). Не случайно ведь, поистине вершиной всех трудов данного государственного мужа является Полное собрание законов Российской Империи и Свод законов Российской Империи. По сути, это торжество юридического позитивизма и исторической школы права – формализация и упорядочение российского законодательства и сбор воедино практически всей

истории его становления. Александр I, выдвигая такого человека на ведущие государственные посты, сознательно или не вполне осознанно, интуитивно, но обоснованно полагал, что он сможет навести порядок в России по немецкому образцу, выработать принципы существования, развития и функционирования русской бюрократии, что, кстати, в итоге М.М. Сперанскому и удалось. Вот и светило это светило точно таким же вестернизирующим светом, являясь ни чем иным, как одним из проявлений официального русского западничества.

Вторая фигура, называемая Н.Н. Алексеевым, А.А. Аракчеев, никаким светилом уже не является, ее можно рассматривать как темное «альтер эго» Александра I – олицетворение казарменных прусских порядков в масштабах значительной части страны. «Он слыл среди своих современников человеком злым и жестоким – как бы нарочно созданным для того, чтобы омрачать их существование. Не только в характере его, воззрениях и поступках, но и в самом его внешнем облике усматривали прямо-таки врожденную предрасположенность к злодейству» (Томсинов, 2010. С. 5). Не менее чем касательно М.М. Сперанского, поэтичны отвлеченные рассуждения В.А. Томсинова в отношении А.А. Аракчеева, что свидетельствует о разностороннем восприятии исследователем этой исторической фигуры. «Наверное, всегдашней тайной для рассудка будет тот закон, по которому люди выбирают себе кого чтить, а кого ненавидеть, и непостижимыми останутся мотивы, по каким одного государственного деятеля общество, несмотря на множество обличающих его фактов, всячески превозносит, а другого – при всех оправдывающих его обстоятельствах – безжалостно прокликает. Есть в странности этой нечто первобытно-религиозное, идущее от язычества. Так древний человек, не способный ни объяснить, ни приручить природные стихии, персонифицировал их; выдумывал себе добрых и злых богов и приписывал им все непонятное из происходящего вокруг» (Томсинов, 2010. С. 6). Стоит сказать, что Н.Н. Алексеев и не использует персонаж Аракчеева как реально действующую историческую личность, а скорее как символ, ведь в начале анализа

русского западничества он описывает его как феномен сферы идей, образов, символов. Отсюда и получается, что «два лика Александра Благословенного» символизируются «светлым бюрократом» М.М. Сперанским, утопившим свои таланты в построении бюрократической машины империи по западному образцу, и «темным казарматором» А.А. Аракчеевым, насаждавшим везде, куда его ставили руководителем, прусские порядки.

На первый взгляд, политика императора Николая I мало чем похожа на метания и неопределенность Александра I, или на вспыльчивость и эпатажность Павла I. «С его воцарением официальное, консервативное русское западничество решительно освобождается от религиозной романтики и облекается в одежду российского, квасного патриотизма. Николай Павлович не увлекался ни католичеством, ни мистикой, но при нем случился другой «страшный парадокс» русской истории – именно то, что идеализированная и по-русски стилизованная Пруссия покрылась пышными титулами «православия, самодержавия и народности» и стала выдавать себя за настоящую, подлинную Россию... Пруссификация армии являлась пруссификацией всего государства. Пруссификация эта, практикуемая несколько царствований, была не только номинальной и внешней, немецкое начало вошло в русскую государственную жизнь и стало ее необходимым атрибутом. Фактически наш государственный аппарат находился в руках иностранцев и немцев или, по крайней мере, лиц, идейно онемеченных» (Алексеев, 2003. С. 124–125). Получается, что в течение достаточно длительного времени, независимо от того, какой правитель находился на троне, вестернизация русской жизни, по крайней мере, в правящих кругах, в сфере власти и управления, не прекращалась. «До сих пор слишком мало задумываются, какое фатальное влияние имел этот род русского западничества на всю историю России. Не будь его, весь стиль русского государства, вся его внутренняя и внешняя политика были бы иными. Иной была бы и все его история, включая и новейший период. Ибо внешний разрыв с Германией, случившийся в эпоху Александра III, отнюдь не означает ликвида-

ции той политики русского реакционного «западничества», который начался с Петра I. Официальная Россия продолжала быть идеализированной Пруссией, покрывшей себя титулами православия, самодержавия и народности. И даже в период своего «конституционализма» она типично повторила историю немецких княжеств после 1848 года» (Алексеев, 2003. С. 126–127). Почему этот путь уместно называть «Европой прошлого»? Потому что на момент, когда в России насаждался тот или иной прусский порядок, сама Пруссия его уже не менее как 50 лет назад пережила. Это каждый раз был возврат к той самой феодально-полицейской Европе, которую европейские страны пережили в эпоху, предшествовавшую Великой Французской революции. Но именно эта Европа была для официальных западников идеалом, именно такую карму они, вплоть до Николая II, определяли для России.

Но что интересно, официально такой идеал идеологически никогда не оформлялся. Уместно привести ещё одно рассуждение Н.Н. Алексеева. «Реакционное западничество было у нас не теорией, а государственной практикой. Его можно даже обвинять в отсутствии идейного обоснования, даже в пренебрежении им, что лишает идеи весь официальный фасад огромного здания Российской Империи, которая, чтобы иметь идеологию, вынуждена была довольно искусственно покрыть себя лозунгами в общем чуждого ему славянофильства» (Алексеев, 2003. С. 127). Как и во времена противостояния нестяжателей и иосифлян, официальное западничество не вступало в идеологическую полемику, а просто реализовывало вполне определенные государственные мероприятия. Формирование же национального самосознания происходило в идеологической сфере. Возникает вопрос, как же тезис о том, что официальное западничество в России было не идеологией, а политической практикой, соотносится с ранее высказанным утверждением о том, что западничество в целом является исключительно идеологическим феноменом, не имеющим никакого отношения к объективной социальной действительности. Однако же, несмотря на то, что первое направление западничества реализо-

вывалось не в идеологемах и догмах, а в государственных мероприятиях, в широких слоях населения, среди многомиллионного крестьянства, которое даже к революции 1917 года составляло 85 % населения России, эти мероприятия не просто не получали поддержку, а оценивались как барское чудачество, и либо попросту саботировались, либо в дальнейшем послужили поводом к развитию бунтарных настроений и закончились революцией, когда империя потерпела полный крах. Соответственно и приверженцами официального западничества являлись лишь отдельные представители правящего класса, поскольку значительная его часть, хотя и также стояла на западнических, но уже на несколько иных началах.

Второй путь: Европа настоящего. Тесные контакты с европейскими странами, наполеоновские войны, заграничный поход русской армии в 1813–1814 гг. не могли сохранить официальное западничество с его феодально-полицейской абсолютистской «кармой» в гордом одиночестве, а привели к появлению и идеологическому оформлению в XIX веке – веке поиска Россией национально-культурной идентичности – ещё двух течений в рамках того же западничества. Причины этого мы рассмотрели выше. Здесь же отметим, что официальным западничеством могли быть удовлетворены лишь те, кто уже имел власть, но ни формирующийся класс капиталистов, ни сопутствующий ему промышленный пролетариат, ни разночинная (и отчасти дворянская) интеллигенция, отнесенные от принятия политических решений, не могли быть довольны существующим порядком вещей. Они видели для России другую «карму», предполагая, что ей необходимо двигаться по другому (другим) европейскому пути. «Весьма примечательно, – пишет Н.Н. Алексеев, – что идеологическую и теоретическую формулировку свою русское западничество нашло не в течениях реакционных, но в оппозиционных Империи западнических направлениях, – в русском либерализме и радикализме» (Алексеев, 2003. С. 127). Этот парадокс присущ отечественной политической действительности, когда оказывается, что российские правые партии – это не консервативные движения, а наиболее

последовательные рыночные реформаторы, настаивающие на ещё большей приватизации, ещё меньшей роли в экономике государства, на сворачивании социальных программ и т. п. Это наиболее последовательные западники, настаивающие на полном воплощении выработанных западными политическими мыслителями идеологических конструкций, которые, кстати говоря, и на самом-то Западе в полном объеме ни в одной стране не были воплощены.

«Что касается до либерализма, то его идейная роль в истории русского западничества является огромной. В нем как раз «дело Петрово» нашло свое идейное оправдание и свою теоретическую формулировку. Можно даже сказать, что русская историософия и философия культуры западнического толка в огромной доле своей была построена в различных течениях русского либерализма. Но, несмотря на эту выдающуюся культурную роль, было в русском либерализме нечто искусственное, тепличное, недостаточно почвенное. Если западничеству реакционного стиля удалось сделаться огромной фактической силой, сумевшей организовать народные массы и долго руководить судьбами государства, то русский либерализм всегда был чем-то кабинетным и отвлеченным, не умел войти в жизнь и потому потерпел решительный крах в эпоху революции» (Алексеев, 2003. С. 127).

Истоки такого варианта русского западничества Н.Н. Алексеев видит отчасти в эпохе Петра I и Екатерины II, но окончательным оформлением считает 40–70-е годы XIX века, когда приобрела целостный вид идеология либерализма. И хотя мыслитель определяет как бы два этапа развития либерального русского западничества, условной границей между которыми можно считать Манифест 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка», но не считает их идеологически самостоятельными, указывая, что идейная основа либерализма сформировалась именно в XIX веке. «Особенностью русского либерализма нужно считать, что его первые представители были всегда некоторыми «одиночками», не составляли единой группировки или партии, даже находились друг с другом во вражде, полемизировали и

спорили. Когда же в более позднюю «конституционную» эпоху истории, наш либерализм сложился в партию, объединение произошло на гораздо более левых, радикальных и социалистических позициях по сравнению с воззрением наших ранних либералов... Однако наш конституционный демократизм целиком исповедовал ту западническую культурную философию и историософию, которая сформулирована была нашим ранним либерализмом» (Алексеев, 2003. С. 128).

Итак, в чем же, по мнению Н.Н. Алексеева, состоит квинтэссенция учения этого либерализма. Она, как представляется, выражена в нескольких высказываниях, резюмирующих приводимые мыслителем цитаты из трудов и речей либералов. «Что же в таком случае нам делать, как не окунуться в европейские струи или окунать в них тех, кто сам окунуться не может. Программа либерального западничества, стало быть, только методами отличалась от программы западничества реакционного. Петр европеизировал русский народ ремнем, его потомки – военными поселениями, русский либерал предлагал отдать его в культурную учебу по всем правилам западного гуманизма... Европейские культуртрегеры из «немцев», желавшие выбить из русского «азиатскую бестию», были, следовательно, аллопатами, и даже преимущественно хирургами, русский либерал – это гомеопат. Такова основная разница при общности взгляда на русский народ как на объект культурной медицины» (Алексеев, 2003. С. 130). В сущности, из этого следует, что западничество в любой своей форме остается западничеством, не важно, германские государства им берутся за эталон, или Англия с Голландией. Возможно, различие в методах – убеждение или принуждение – определяет тот факт, что это все же разные «пути прохождения кармы», разные в конце концов видятся идеалы – самодержавная абсолютная монархия с бюрократическим «поясом безопасности», или же монархия конституционная с тем же поясом, но и то и другое – это просто разные этапы жизни западных стран – Европа прошлого и Европа настоящего, и западники двух направлений считали необходимым соизмерить Россию с той или другой Европой, и под ту или другую

Россию подстроить. Единоы они были в отказе признания за Россией собственного национального пути.

«Всех наших западников объединяла вера в всеисцеляющую, воспитательную силу человеческих учреждений, и этой вере наш либерализм придал «научную» формулировку, превратив в целую теорию... Особую роль играла при этом прямо-таки трогательная вера в спасительную силу конституционного режима – вера, на которой выросли и воспитались целые поколения. Одни при этом представляли такой режим в виде европейского сословного представительства, другие – английской конституционной монархии, третьи – демократической республики французского типа и т. п. Здесь нюансов было много, но главное оставалось неизменным: это убеждение, что введение конституции является панацеей от всех русских зол и окончательным средством европеизации России» (Алексеев, 2003. С. 131). В этом тоже прослеживается содержательная общность двух направлений русского западничества при формальном их различии: существует абсолютное и всемогущее средство окончательной европеизации России, и это средство для одних – военно-абсолютистские порядки по прусскому образцу, а для других – конституционный режим по английскому или французскому образцу. И те и другие при этом игнорируют и то, как сформировались прусские, английские либо французские порядки на их родине, в каких исторических условиях и вследствие каких событий, и то, имеют ли эти условия и эти события что-либо общее с российской действительностью, чтобы предполагать, что желаемые институты на отечественной почве приживутся.

Ставит Н.Н. Алексеев вопрос и о содержательной наполняемости заимствуемых институтов, конструкций, идей, об их, так сказать, морально-нравственной стороне. При этом рассматривает он данный вопрос уже в сравнительном плане с третьим направлением западничества – с русским революционным радикализмом. «Каково же нравственное содержание тех идеалов, которые наши либералы хотели принести русскому народу с Запада и которые призваны были освободить от азиатчины и оцивилизовать? Если

западнический консерватизм стремился привить у нас начала старого европейского «порядка», то у либерализма речь шла о принципах новой «просвещенной» Европы... Одним словом, «духовный путь», на который проектировалось вывести русский народ, был путь европейского гуманизма, то есть путь более или менее решительного утверждения человеческой личности, выше которой вообще ничего нет, кроме нее самой. Сама по себе защита человеческой личности была делом не плохим, но ведь не только об этой защите шла речь. О личности можно было прочесть, поискавши, и в русском древнем «просвещении», о личности учили и славянофилы. Центр тяжести был в том, что личность человеческая утверждалась как наивысшее, что было, разумеется, «западничеством», но что отнюдь не озаряло особым духовным светом. В сущности, это было то же самое, к чему стремились и русские радикалы, только в гомеопатических дозах. Главным недостатком такого способа «гуманизации» России была его неполная последовательность, неполная договоренность. Потому-то русские радикалы всегда были в более выгодной позиции, чем либералы. Уж если просвещать, так просвещать. Бога нет – так полный атеизм, души нет – так материализм, личность утверждать – так «базаровщина». Кремль не нравится – так сноси его до основания" (Алексеев, 2003. С. 132–133.). В этом видит силу революционного радикализма Н.Н. Алексеев в сравнении с либералами. Получается, что среди русского западничества достаточно сильны крайние его варианты – официальный феодально-абсолютистский и революционно-радикальный, они, в конечном счете, столкнулись в ходе гражданской войны. «Общая социально-психологическая атмосфера отнюдь не способствовала у нас процветанию либерализма».

Третий путь: Европа будущего. Революционный радикализм получил в России, в среде русского западничества, существенный по сравнению с либерализмом размах, вплоть до крайних форм народовольческого и эсеровского терроризма. Радикализм этот был западническим движением в силу того, что идейную его основу составил марксизм

(либо другие социалистические учения), анархизм, хотя они и получили существенную обработку на отечественной почве, но не утратили своего западнического характера. Трудно сказать, проникались ли русские радикалы сутью проповедуемых ими западнических доктрин, но определенно охотно восприняли революционные методы. Они отвечали психологическому и идейному настрою активистов радикальных движений, получивших в классической литературе XIX века обобщенный образ «того несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося, по мысли Ф.М. Достоевского, в оторванном от народа обществе нашем». «Этот русский скиталец, – пишет Н.Н. Алексеев, – бродивший все же путями западными, скоро бросился в революцию, посредством которой он думал пересоздать печальную свою отчизну. Так и произошли декабристы, эти предтечи радикального и революционного русского западничества, попытавшиеся одним взмахом превратить прусско-аракчеевскую империю в нечто вроде Американских Штатов или послереволюционную Францию. Трагическая неудача их попытки наложила неизгладимую печать на все последующее развитие оппозиционной западнической мысли, придав этой последней особый характер мрачной, черной, зачастую бессильной ненависти к существующему. Особо благоприятным источником таких настроений была атмосфера николаевской империи, когда впервые и формулировалась философия нашего радикального западничества» (Алексеев, 2003. С. 133). Самое главное в этом – акцент на оторванности общества от народа, и о том, что западничество – есть исключительно явление этого оторванного от народа общества.

Но есть и то, что принципиально и бесспорно отличает третье направление западничества от первых двух, и делает третий путь «прохождения кармы» по западному образцу совсем уж невероятным, даже по сравнению с первыми двумя. И Н.Н. Алексеев очень хорошо описывает эти особенности, наглядно показывая, что не реальная современная западникам-радикалам Европа движет ими, и не историческая, средневековая

Европа, а «Европа будущего», существующая пока что лишь в утопических проектах. «Но во имя чего же ломать? Что будет на месте сломанного? Станным образом здесь пути наших радикальных бегунов на Запад встречаются с путями исконными, московскими, восточными, не вполне точно и очень суммарно именуемыми славянофильскими. Вот русские молодые люди, как например, Герцен и Огарев, дав на Воробьевых Горах под Москвой страшную клятву – клятву борьбы не на жизнь, а на смерть с проклятой империей, – о, такие клятвы даром не проходят – бегут в «страну чужую», на Запад, и что же они там находят, что видят? Оказывается, там живут такие же люди, как и у нас, для того чтобы, говоря словами Печерина, «копить деньги и откармливаться». Оказывается, мы знали только отвлеченный Запад «книжно, литературно», «по праздничным одеждам», «по всем отстоявшимся мыслям». На действительном же Западе «нам недостает пространства, шири воздуха, нам здесь неловко» (Алексеев, 2003. С. 135–136). Парадоксально: любить то, чего совершенно не знаешь, приклоняться перед ним, давать клятвы о разрушении своего родного во имя неизвестного. Напоминает какой-то псевдорелигиозный, почти сатанинский порыв. «Я ни разу за морем не был, сердце тешит тревожная мысль. – Там такое же синее небо, и такая же сложная жизнь», – написал поэт и музыкант А. Романов в конце 70-х гг. в СССР. Революционеры-демократы же, увидев реальный Запад, к сожалению, не перестали быть западниками, они просто решили найти более отвечающий их интересам Запад, даже если его на тот момент в реальности не существует.

Итак, эти революционеры составили передовой отряд «мятущейся» интеллигенции, столкнувшись с тем, насколько не идеальны в реальной жизни их идеалы. «Так не по образцам же этого действительного, эмпирического идейно неплатежеспособного Запада строить новый мир! Не его же брать за модель!.. Для человека, не желающего сходить с западной почвы, возможны в подобной ситуации два исхода: или от нынешнего, эмпирического, буржуазного Запада обратиться вспять, к прошлому, к средневековью, хотя

бы к его современным теням; или же пытаться прозреть какой-то будущий, не эмпирический ещё не существующий, только чаемый и грядущий Запад. Словом, или католичество, или западный социализм. Быть может, самыми последовательными из русских бегунов на Западе и были те, которые нашли успокоение на лоне римской церкви, приобретившись тем самым к древнейшей, первоизданнейшей стихии западной культуры. Что касается до социалистов-революционеров, то им долго пришлось проблуждать по восточным путям, прежде чем они отыскали наконец надежную западную пристань» (Алексеев, 2003. С. 136). Современная Европа западников-искателей не устраивала как раз в силу отчасти подсознательных и во многом не осознаваемых восточных корней, потребности духовного поиска лучшей, справедливой жизни, стремления к идеалам, и идеалы эти они увидели в социалистических учениях.

«Русский революционер, разрушитель «гносной империи», становился радикалом и революционером общеевропейским, интернациональным. Идеологически это достигалось при помощи доведения до крайности всех основных начал, из которых слагался западный гуманизм. Из него выбрасывалось все то, что было в нем оформляющего, и прежде всего западное, античное, классическое наследство, от которого западные гуманисты никогда не могли оторваться. Для русского радикала совершенно непонятна была эта историческая связь гуманизма с греко-римской формой, с Сократом и Платоном, с Аристотелем и стоиками, с эллинским искусством и римско-правовой идеей личности. Но выкиньте все из гуманизма, получится нигилизм, который есть, в сущности, обесформленный культ все той же человеческой личности. Получится базаровщина, писаревщина, добролюбовщина, отрицание Пушкина со всеми сопутствующими этому явлениями. В то же время сам культ личности доведен был до степени превосходной, до предельного максимума» (Алексеев, 2003. С. 137). Н.Н. Алексеев показывает сущность революционного радикализма без прикрас, объясняя суть явления нигилизма, которое затем стало идеологическим основанием народовольче-

ского и эсеровского терроризма, явлением отрицания гуманистических начал европейской политико-правовой мысли. Думается, такое отрицание было неизбежным, поскольку для европейцев и древнегреческий гуманизм, и средневековый христианский гуманизм, и древнеримская естественно-правовая теория были органическими частями их мировоззрения, неотъемлемой частью национальной истории, органичным сегментом сознания. Для русского радикального же западничества это не характерно, поскольку выросло оно на отечественной почве, и не питалось теми соками, которые органично вливались в европейскую мысль, поэтому и с такой легкостью их отвергло, превратившись в очень радикальное направление, не чувравшееся в дальнейшем и террористических методов достижения собственных целей.

«Что касается до историософии, то постепенно русский радикал стал открывать в нашей истории смысл, не понятный либералу. В ней начинал видеть он проявления первозданной, народной, анархо-социалистической стихии, которая бушевала в разиновщине, пугачевщине и т. п. В русском мире, в общине нашел он прообраз истинно совершенного общественного строя. И потому мировая революция была для него скорее процессом русификации и азиатизации Европы, чем процессом европеизации России» (Алексеев, 2003. С. 137–138). Вот здесь как раз и закладывается Н.Н. Алексеевым парадокс в суждениях, поскольку он описывает в качестве третьего направления в русском западничестве до этого момента своей работы то, что по сути своей западничеством не является, это особенный российский политико-правовой феномен народничества. Думается, его ни к западничеству, ни к славянофильству отнести однозначно нельзя, это такой же стихийный продукт общественной мысли, как и описанные мыслителем в работе «Русский народ и государство» народно-государственные идеалы маргинальных народных групп. Разница состоит лишь в том, что, в отличие от народно-государственных идеалов народническая мысль – есть продукт общественного, различно-интеллигентского правосознания, а не правосознания народных масс. Если, однако,

считать различную нигилистскую интеллигенцию пусть и отколовшейся, но частью народа, то перед нами шестой народно-государственный идеал народного социализма (Куликов, 2020. С. 8).

Настоящее же третье направление русского западничества, третий путь «прохождения кармы» Н.Н. Алексеев раскрывает, когда начинает описывать русский марксизм, он и сам в тексте работы делает об этом оговорку, что русские радикалы тогда только стали западниками, когда прониклись душою к марксизму. Марксистское учение как своего рода итог развития западноевропейской социалистической мысли как раз и давало русским западникам тот образ «Европы будущего», который они могли рассматривать как идеал, эталон, к которому можно и нужно стремиться России в своем историческом развитии. «Марксизм создал философию истории, по которой европейский тип общественного развития стал как бы универсальной схемой для всех культур и народов. И обосновывалось это вовсе не утверждением преобладающего влияния в истории экономических отношений – ведь экономика бывает разная – обосновывалось это уверенностью, что вследствие особого развития производительных сил и техники весь мир включился ныне в особые экономические условия, необходимо ныне влекущие его к движению по одному историческому пути... На такой «след» и напал современный мир, вступив в стадию капиталистического хозяйства, законы которого нельзя ни перескочить, ни отменить. А так как неумолимая тенденция от капитализма влечет его к социализму, то будущее наше тем самым предопределено и обусловлено. Вопрос только во времени и сроках» (Алексеев, 2003. С. 138). На самом деле, при всей внутренней продуманности и научно-теоретической разработанности, у марксистского учения было все же одно очень уязвимое место, тонко подмеченное философией XX века: выдача субъективного за объективное, а одного из углов зрения за всю картину мира. История показала, что абсолютно все страны и народы развиваются по-разному, и никакого неизбежного движения от капитализма к социализму не наблюдается, капитализм растет и развивается в

модифицированные версии в западных странах, капитализм приобретает совершенно необычные формы в странах Латинской Америки и в постсоциалистических странах, особняком стоят КНР и «азиатские драконы» – Сингапур, Тайвань, Республика Корея. Выдача уникального за универсальное и особенно за общее подвергнута убедительной критике Н.С. Трубецким в работе «Европа и человечество» (Трубецкой, 2012. С. 118–181).

Но вернемся к Н.Н. Алексееву. Далее он определяет, что значило для третьего направления русского западничества восприятие идеологии марксизма в качестве руководящей, и какую программу дальнейшего развития России они в связи с этим сформулировали. «Для определения судеб России с точки зрения русского радикализма вопрос ставился теперь очень просто. Приходилось решить основную задачу: включился ли русский мир в капиталистические формы со всеми имманентными законами или ещё не включился. Русские радикалы и революционеры 70-х годов отвечали на вопрос отрицательно. Они придерживались историко-социологических рассуждений, к которым так охотно прибегали славянофилы в своих литературных стычках с западниками. Подобно славянофилам, они высказывались в том смысле, что западное общество было историческим продуктом многовековой классовой борьбы и что «в более или менее близком будущем классовое господство буржуазии должно рухнуть под напором пролетариата». Что же касается России, то у нас не было столь ясно выраженных классов и совершенно особую роль играл государственно-организационный принцип. А потому и весь ход нашей истории – другой, общество наше пока не попало на след закона европейского экономического развития и обусловливаемая этим последним смена экономических фазисов для него необязательна... Так и было до момента, когда Г.В. Плеханов и его группа решительно изменили свое мнение на основной вопрос и пришли к убеждению, что Россия давно уже поступила в капиталистическую школу и что «никакой хартией самобытности, выданной нам историей, мы не обладаем». С этого момента русское радикальное западничество порвало с последним

остатком «славянофильских» традиций и окончательно вступило на западный путь» (Алексеев, 2003. С. 139). По большому счету, как можно увидеть, третье направление русского западничества получило необходимый толчок к развитию после того, как сделало существенное допущение о том, что Россия уже активно развивается по капиталистическому пути, характерному для европейских стран. Это и привело к активному развитию марксизма и марксистских партий в России в конце XIX начале XX века.

Заключение

Рассмотрим, наконец, как Н.Н. Алексеев резюмирует свой анализ направлений русского западничества. «Несмотря на то, что все вышеочерченные виды русского западничества относились друг к другу как направления крайне враждебные, друг друга отрицающие и друг с другом борющиеся, было между ними нечто общее, некоторая общая идейная почва, на которой они стояли. Это звучит прямо парадоксально, но это соответствует действительности: и европеизаторы России стиля «кнуто-германской» империи, и их умеренные противники либералы, и радикалы, включая марксистов, совершали некоторую аналогичную установку на Россию и соответственно с этим аналогично решали некоторые основные культурные и социально-политические проблемы». И далее мыслитель формулирует эти общие черты, которые, по его мнению, объединяют все три направления, позволяя считать их течениями в рамках единого русского западничества.

К его общим чертам Н.Н. Алексеев предлагает отнести следующие исходные идеологические установки: 1) все русские западники были чистыми эпигонами европейской культуры, т. е. все они были убеждены, что эта культура единственная и настоящая и, кроме нее вообще нет никакой истинной культуры; 2) отрицание смысла и ценности других культур, и, в частности, азиатских, а также и специфичности русской культуры; 3) вера в преимущественную культурную силу учреждений, призванных к перевоспитанию «косного» народа, и преимущественное служение «правде внешней», а не «правде внутренней», идеалам общественным, а не идеалам

личным; 4) все русские западники без различия направлений одинаково сходились в непонимании тех практических задач, которые стояли перед Российским государством, как совершенно особым географическим, экономическим и культурным целым (Алексеев, 2003. С. 139–141). В перечисленных Н.Н. Алексеевым общих чертах русского западничества в полной мере выражены его методологические установки: редукционизм, универсализм, отрицание даже не самобытности, а самого права на самобытность, стремление к неосмысленному заимствованию чужих институтов и учреждений и рассмотрение этого заимствования как панацеи от всех социально-политических проблем российского государства и общества, и самое главное – это не просто непонимание российской объективной действительности, а отсутствие самого желания понимать и анализировать эту действительность, чтобы хоть сколь-нибудь найти в ней пути решения насущных проблем.

Таким образом, русское западничество было едино в том, чтобы быть западничеством, но разделялось в том, каким именно ему надлежит быть. Стоит сказать, что на протяжении всей отечественной истории Россия испытала на себе приложение сил

всех направлений западничества: строилась империя по прусскому образцу, предпринимались попытки построить буржуазно-демократическое государство, строился социализм на марксистских началах. Сложно теперь сказать, является ли движение по западному пути для России именно кармой, но так считали все исторические реформаторы и предпринимали колоссальные усилия, чтобы ее по этому пути в той или иной его модификации направить. В конце концов на сегодняшний день принципиальные различия, характерные для начала XX века, например, уже не так проявлены: индустриализация, урбанизация, исчезновение крестьянства как класса и сокращение сельского населения в принципе, развитие массовой культуры, а теперь уже и централизованная цифровизация привели к тому, что Россия начала XXI века при всех особенностях стала вполне вестернизированным государством, а три выделяемых Н.Н. Алексеевым направления вестернизации оказались для нашего государства и общества теми самыми тремя путями прохождения кармы, пройдя которые за 200 лет к какому-то варианту вестернизированного общества мы все же пришли, и это стало данностью и объективно существующей социально-политической реальностью.

Библиографический список / References

- Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. 640 с.
Alekseev N.N. (2003) Russian people and state. Moscow: Agraf. 640 p. (In Russ.)
- Борщ И.В. Николай Алексеев как философ права. М.: Юрлитинформ, 2015. 168 с.
Borshch I.V. (2015) Nikolay Alekseev as a philosopher of law. Moscow: Yurlitinform. 168 p. (In Russ.)
- Достоевский Ф.М. Что есть Россия? Дневники писателя. М.: Алгоритм, 2014. 240 с.
Dostoevskii F.M. (2014) What is Russia? A writer's diaries. Moscow: Algoritm. 240 p. (In Russ.)
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
Danilevskii N.Ya. (2011) Russia and Europe. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, Blagoslovenie. 816 p. (In Russ.)
- Заичкин И.А. Русская история: от Екатерины Великой до Александра II. М.: Мысль, 1994. 765 с.
Zaichkin I.A. (1994) Russian history: from Catherine the Great to Alexander II. M.: Mysl'. 765 p. (In Russ.)
- Иванов А.В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.
Ivanov A.V. (2007) Eurasianism: key ideas, values, political priorities. Barnaul: Altai State University. 243 p. (In Russ.)
- Иванов А.В. О вечных устоях в последние времена (философско-публицистические этюды). Барнаул: Изд-во АКОФ «Алтай – 21 век», 2010. 182 с.
Ivanov A.V. (2010) About the eternal foundations in recent times (philosophical and publicistic studies). Barnaul: AKOF "Altai – 21 vek". 182 p. (In Russ.)
- Иванов А.В. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: Изд-во АлтГТУ им. И.И. Ползунова; изд-во фонда "Алтай – XXI век", 2006. 640 с.
Ivanov A.V. (2006) Tablets of metahistory: creators and stages of spiritual and ecological civilization. Barnaul: Polzunov Altai State Technical University; AKOF "Altai – XXI vek". 640 p. (In Russ.)
- Капранов А.В. За что мне такому хорошему такая хреновая жизнь? Креативный антивирус для мозга. М.: Изд-во АСТ, 2016. 255 с.

Kapranov A.V. (2016) Why I, so good, should live such a lousy life? Creative antivirus for the brain. Moscow: AST. 255 p. (In Russ.)

Куликов Е.А. Противоположности в борьбе и единстве: идея диктатуры и идея государства-вольницы как евразийские народно-государственные идеалы Н.Н. Алексеева // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 1. С. 6–17.

Kulikov E.A. (2020) Unity and struggle opposites: the idea of dictatorship and the idea of free state as Eurasia nation-state ideals by N.N. Alekseev. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 5. No. 1. P. 6–17. (In Russ.)

Назмутдинов Б.В. Законы из-за границы: политико-правовые аспекты классического евразийства. М.: Норма, 2017. 272 с.

Nazmutdinov B.V. (2017) Laws from abroad: political and legal aspects of classical Eurasianism. Moscow: Norma. 272 p. (In Russ.)

Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.

Solonevich I.L. (2010) People's monarchy. Moscow: Insti-

tut russkoi tsivilizatsii. 624 p. (In Russ.)

Сорокина В.В., Васильева А.А. История правовых учений России. М.: Юрлитинформ, 2014. 360 с.

Sorokina V.V., Vasil'eva A.A. (2014) History of legal doctrines in Russia. Moscow: Yurлитinform. 360 p. (In Russ.)

Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М.М. Сперанского. М.: Молодая гвардия, 1991. 476 с.

Tomsinov V.A. (1991) The luminary of the Russian bureaucracy: historical portrait of M.M. Speransky. Moscow: Molodaya gvardiya. 476 p. (In Russ.)

Томсинов В.А. Аракчеев. М.: Молодая гвардия, 2010. 427 с.

Tomsinov V.A. (2010) Arakcheev. Moscow: Molodaya gvardiya. 427 p. (In Russ.)

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. М.: Алгоритм, Эксмо, 2012. 336 с.

Trubetskoi N.S. (2012) The legacy of Genghis Khan: a perspective on Russian history not from the west but from the east. Moscow: Algoritm, Eksmo. 336 p. (In Russ.)

Критерии авторства

Куликов Е.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Куликов Егор Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, проспект Ленина, 61, Россия, ✉ e-mail: kulikoveg@yandex.ru

Attribution criteria

Kulikov E.A. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Information about the author

Egor A. Kulikov, Cand. Sci. (Juridical Sciences), Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department of Altai State University, 61 Lenin Avenue, Barnaul, 656049, Russia, ✉ e-mail: kulikoveg@yandex.ru